

**Основные внутриполитические тренды
и внешнеполитические вызовы «большого трио»
Северной Пацифики
(Интервью со Стивеном Фишем)**

**The general inner-political trends and outer-political challenges
of the North Pacific Big Trio (Interview with Steven Fish)**

Северная Пацифика является осевым субрегионом АТР, и процессы, происходящие здесь, определяют международную экономическую и политическую конъюнктуру во всем мире. Именно в этой части планеты расположены игроки, интересы которых носят глобальный характер. Безусловно, особенности внутриполитического развития этих стран характеризуют их внешнеполитическую стратегию, умение противостоять и противодействовать вызовам и угрозам, строить доверительные отношения с другими акторами.

В октябре 2012 г., в разгар предвыборной кампании в США, в преддверии XVIII съезда КПК, накануне парламентских выборов в Японии и президентских выборов в Корее, мы обратились с вопросами, касающимися основных направлений внутренней и внешней политики трех самых влиятельных стран Северной Пацифики – США, КНР и РФ – к **Стивену Фишу**, специалисту в области сравнительной политологии, профессору Калифорнийского университета в Беркли (США). Стивен Фиш известен широкому кругу американских и отечественных исследователей в области политической науки. Сфера его научно-практических интересов – демократический транзит в развивающихся и посткоммунистических странах, религия и политика, а также конституционные системы и учреждения законодательной власти. Особое внимание профессор уделяет вопросам политического развития России и стран мусульманского мира. Среди его работ можно выделить следующие монографии: «Are Muslims Distinctive? A Look at the Evidence» (Oxford, 2011), «Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics» (Cambridge, 2005), «Democracy from Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution» (Princeton, 1995).

США, КНР, РФ являются гигантами не только по площади территории, но и по степени влияния на международной арене, обладая колоссальным экономическим, стратегическим и военным потенциалом; поэтому мнения авторитетного специалиста в области сравнительной политологии о динамике внутриполитических событий и процессов в этих государствах и их роли в мире будут, безусловно, интересны нашим читателям.

И.Н. Золотухин: Стивен, прежде всего, позвольте вас поблагодарить за согласие дать интервью нашему журналу. Мы постараемся затронуть современное внутриполитическое состояние дел в государствах «большого трио» СВА и узнать возможные перспективы их международного положения. И первый вопрос касается современной ситуации в Северо-Восточной Азии (СВА). Какие главные проблемы вы можете обозначить на сегодняшний момент?

С. Фиш: Хороший вопрос. Хотя я и не могу назвать себя ведущим специалистом по СВА, но я знаком с регионом, некоторое время провёл

в Китае, недавно, как вы знаете, побывал во Владивостоке¹. Мне кажется, что самой большой проблемой в СВА в настоящее время в аспекте международных отношений является территориальный спор между КНР и Японией по поводу островов в Восточно-Китайском море – Дяоюйдао/Сенкаку. На первый взгляд, эти скалы не имеют такого огромного стратегического значения, как 4 острова Курильской гряды, на которые претендует Япония, но, как ни парадоксально, именно противоречия по поводу Дяоюйдао/Сенкаку носят более острый характер, что отражает серьёзную озабоченность Китая территориальными вопросами и нежелание Пекина идти на уступки.

На этом фоне ухудшение японо-китайских отношений становится важным региональным вызовом. Призраки прошлого не уходят в небытие, а становятся осязаемыми, и это связано, прежде всего, с очевидным возвышением Китая (Rise of China), ростом китайской экономики и китайской военно-политической мощи в последние десятилетия. Динамика развития Китая определяет ракурс, широту и глубину тенденций, происходящих в АТР.

Как прогнозирует большинство исследователей в области международных отношений, Китай будет продолжать отстаивать свои позиции по поводу спорных территорий и конфликтовать с Японией, а также с другими соседними странами (например, Филиппинами, Вьетнамом), и чем сильнее будет становиться Китай, тем более настойчиво он будет стремиться к максимальному контролю над территориями, которые он считает своими, и противодействовать усилению позиций других стран на этих территориях.

Весьма обеспокоена возвышением Китая Россия, особенно это заметно в аспекте демографической проблемы: население России сокращается, а российский Дальний Восток стоит перед угрозой депопуляции; в Китае же численность населения растёт, пусть и не такими быстрыми темпами как 20 лет назад, и, как мне кажется, в конечном итоге российскому правительству предстоит сделать что-то очень существенное на Дальнем Востоке, чтобы сохранить эту территорию.

Я не думаю, что дело дойдёт до того, что в итоге российские власти сделают Дальний Восток местом ссылки, – я полагаю, что нужно решить экономические и политические вопросы. В настоящее время российский суверенитет над Сибирью и Дальним Востоком кажется виртуальным; реальным он станет благодаря быстрому экономическому росту этих территорий. Высшее политическое руководство России уже предпринимает меры для того, чтобы развивать дальневосточные окраины, – в частности, построены объекты Саммита АТЭС и новый кампус ДВФУ, – это тоже должно способствовать быстрому экономическому и политическому развитию этой территории, её заселению, поскольку укрепление границ и развитие Дальнего Востока станет ответом возвышению Китая. Если население Дальнего Востока России будет расти, то России будет легче контролировать эту территорию на долгосрочную перспективу.

И.Н. Золотухин: Китай имеет стратегические отношения с Россией, кроме того, тесные связи с США и Индией, и все эти страны являются главными политическими акторами в АТР. Но вот назвать Китай и Штаты стратегическими партнёрами вряд ли возможно. Как вы считаете, Китай в большей степени относится к США как противнику или партнёру? Что определяет характер американо-китайских отношений – политика или экономика? Ведь Китай и США являются самыми силь-

¹ Стивен Фиш прочёл цикл лекций, посвящённых началу и последствиям «арабской весны», проблеме насилия и демократии в мусульманском мире и борьбе с бедностью в развивающихся странах студентам и преподавателям Школы региональных и международных исследований ДВФУ с 1 по 3 марта 2012 г.

ными в экономическом отношении державами мира, но между ними существуют противоречия.

С. Фиш: Американско-китайские отношения – одна из самых ключевых проблем XXI века. Безусловно, экономически и КНР, и США взаимосвязаны, и вряд ли возможна ситуация, аналогичная периоду холодной войны между США и СССР, когда мир переживал биполярный раскол и был на грани ядерной войны. Но Вашингтон насторожен тем, что, чем сильнее Китай будет в экономическом плане, тем больше он будет стремиться предпринимать политические действия, и в результате сможет бросить вызов гегемонии США.

Мне кажется, что самый важный вопрос нынешнего столетия заключается в том, сумеет ли существующий гегемон воспринять как очевидный факт возвышающуюся силу, готовую вступить в ранг мировых держав. Будет ли Пекин готов разделить с Вашингтоном бремя ответственности за миропорядок? Если такое произойдет – это будет против всех исторических примеров, поскольку при условиях, когда существует 2 гегемона, обычно начинается война.

Но в действительности, каковым бы ни было ухудшение отношений между КНР и США в политическом плане, мне довольно сложно представить войну между двумя государствами, поскольку это привело бы к полной катастрофе. Ведь экономически обе державы слишком взаимосвязаны – и это очень важный момент! Эта взаимозависимость – главная причина того, что китайцы хотят избежать серьезных проблем с США, также как и Штаты не хотят проблем с Китаем. Когда рост китайской экономики зависит от роста экономики США и каждая сторона заинтересована в экономическом росте друг друга, это очень помогает избежать серьезных политических противоречий – чего не было во время холодной войны – США и СССР не были экономически взаимосвязаны.

И.Н. Золотухин: Несмотря на то, что КНР и США – экономические партнёры, эти страны имеют свои внутриполитические особенности, которые во многом являются катализатором внешнеполитических столкновений. Давайте поговорим о недавних внутриполитических событиях в КНР. Как вы считаете, ситуация с Бо Силаем свидетельствует о расколе внутри КПК? Или это стремление высшего партийного руководства избавиться от нежелательных элементов и усилить своё влияние в стране?

С. Фиш: Политическая элита Китая, безусловно, обеспокоена обновлением кадров. Внутренняя политика КПК очень сложная, и я не претендую на роль крупного специалиста по данному вопросу, но мне кажется, что произошедшие события не говорят о расколе, хотя, конечно, что-то происходит в элите Китая. Несмотря на то, что в Китае нет формальных механизмов смены власти, последние 10 лет показали, что китайская партийная элита построила систему, которая устраивает большинство членов КПК, и пока ВВП Китая продолжает расти – 10, 8, 7, да даже 6 % в год – этого, наверное, будет достаточно для того, чтобы компартия была у власти. Если же произойдет коллапс мировой экономической системы, и рост будет меньше 5%, то вероятно, что в партии произойдет раскол, но в данный момент я не вижу таких проблем.

И.Н. Золотухин: С ростом экономики Китая растёт и численность среднего класса, и, как мы знаем не только из теории, но и из практики политической сферы: чем больше среднего класса, тем либеральнее может быть политическая система. Всё-таки, можно ли ожидать изменений внутри КПК?

С. Фиш: Дело в том, что КПК давно меняется и уже не является партией преимущественно рабочих и крестьян. Компартия обеспечила себе поддержку и среднего класса. Я потрясён тем, как успешно КПК

осуществила призыв к среднему классу. Ведь большинство представителей китайского среднего класса, насколько я понимаю, не являются оппозицией правящей компартии, поскольку дела у них идут хорошо. Мне кажется, КПК сделала хорошую работу по рекрутированию в свои ряды представителей предпринимательских кругов. Судите сами, в конце периода правления Мао Цзэдуна в компартии не было представителей деловых кругов. В течение 20 лет после реформ Дэн Сяопина число предпринимателей среди членов КПК достигло 10-15%, а в настоящее время их больше 1/3. Это уже совершенно другая система, это партия крупного капитала – бизнесменов, предпринимателей – самых активных, самых продуктивных членов общества, а высказывания, что КПК – партия рабочих и крестьян, как уже отмечалось, не соответствуют действительности. Компартия смогла удержать власть, несмотря на рост мощного среднего класса, благодаря своей гибкости. Но возникает другой вопрос: будет ли этот средний класс вечно доволен диктатурой КПК? Пока компартии удаётся маневрировать. Что будет дальше – время покажет.

И.Н. Золотухин: Тогда давайте обратимся к стране, где средний класс составляет большинство населения. Во внутривнутриполитической жизни США грядут очередные выборы, и главный вопрос – кто станет новым президентом? Как вы оцениваете предвыборную ситуацию и можно ли её сравнить с ситуацией четырёхлетней давности (Обама против Маккейна), когда была настоящая интрига, и до конца не было уверенности, кто же победит.

С. Фиш: Я думаю, шансы Ромни очень малы. Обама победит на 90%.

И.Н. Золотухин: То есть, интриги нет?

С. Фиш: Ну, интрига есть всегда, пусть и небольшая. Но дело в том, что большинство населения США, во – первых, всё равно обвиняют в экономическом кризисе в США республиканцев, а не демократов; а во-вторых, людям, в конце концов, просто нравится Обама, которому они симпатизируют. Даже республиканцы признают, что приятно иметь такого президента, что Обама сам по себе главный козырь демократов. Ромни очень сложно найти контакт с простыми людьми, он слишком высокомерен. Конечно, Обама сам имеет аристократичные манеры, но он ведёт себя иначе. В общем, Ромни не такой крутой, как Обама. Ему явно не хватает харизмы.

И.Н. Золотухин: Но на первых дебатах он победил.

С. Фиш: Да, но я думаю, что дебаты существенно не повлияют на исход выборов. Я помню, как в 1984 году Фредди Мондейл победил Рейгана, а в 1988 г. Майкл Дукакис победил Буша-старшего; в 1992 г. на первых дебатах участвовал Росс Перо – независимый кандидат, и он, по мнению всех наблюдателей, победил на этих дебатах, хотя в итоге президентом стал Клинтон. Джон Керри победил на дебатах 8 лет назад, но президентом стал Буш-младший (51% против 48 – 286 голосов выборщиков против 252). Дебаты, возможно, дают Ромни второе дыхание, но, как мы видим, чаще всего не влияют на конечный результат. Надо признать, что Ромни сейчас (6 октября) сильнее, чем он был неделю назад, но дебаты показали, что Обама не будет поддаваться на провокации оппонента и рисковать без надобности. Он настолько взвешивает каждое слово, настолько руководствуется холодным рассудком, что не стал лезть на рожон, даже когда его оппонент стал наседавать. Обама не надменный человек, он очень уверен в себе и не особенно страдает, проиграв первые дебаты. Но он должен понимать, что ему придётся немножко рисковать, ему нужно показать готовность защищать себя и свою политику, иначе в его предвыборной кампании могут быть сложности, хотя я и сомневаюсь в этом.

И.Н. Золотухин: Ну, вся Калифорния поддерживает Б. Обаму, в Беркли почти 90% за него (С.Ф. смеётся). В то же время мы знаем, что в США голосуют не люди, а штаты, и результаты подводятся коллегией выборщиков. Не пора ли уже самой демократичной стране перейти к прямым выборам президента?

С. Фиш: Да, действительно в Штатах действительно можно стать президентом, получив меньше голосов избирателей, но такое произошло лишь дважды в истории США, причём в последний это случилось в 2000 г., когда Гор набрал немного больше голосов избирателей, чем Буш, но в итоге проиграл тому по голосам выборщиков. Я сомневаюсь, что сейчас целесообразно вести речь об отмене системы выборщиков, которая давно работает. У США гораздо больше других внутренних проблем. Понятно, что возникает проблема «колеблющихся штатов», и кандидаты практически не уделяют внимание тем штатам, где заведомо проиграют, но «колеблющиеся штаты» – это результат динамики внутренних процессов. Кстати, Обама лидирует почти во всех «колеблющихся штатах» – в Огайо, Флориде, Мичигане, Виргинии, Неваде, Айове, – пусть на 2-3%, пусть на чуть-чуть, но он имеет преимущество в штатах, которые могут «поменять расцветку», быть либо за «красных», либо за «синих»¹. Я полагаю, что Обама победит в этих штатах, пусть и за малым преимуществом².

И.Н. Золотухин: Давайте обратимся к ещё одной великой державе в ансамбле больших (и по значению, и по форме) стран АТР. Каковы современные позиции России в АТР? Вы знаете, что не так давно, в начале века XXI века российское правительство сделало поворот во внешнеполитических приоритетах в сторону Тихого океана. Месяц назад во Владивостоке состоялся саммит АТЭС, заложены колоссальные финансовые ресурсы в Программу развития Дальнего Востока и Байкальского региона. Можно ли говорить о том, что грядёт усиление присутствия России в АТР или же наша страна до сих пор остаётся бледной тенью СССР и периферией Пацифики?

С. Фиш: В военном плане Россия – великая держава. Россия всегда будет иметь большой флот, многочисленную армию. Но в экономическом плане она не является великой державой. Я думаю, что два фактора будут определяющими для России в развитии её отношений со странами Восточной Азии, да и со всем миром в будущем: устойчивый экономический рост и модернизация экономики. Экономика будет стоять на первом месте. И она будет влиять на политику России. Это отразится, прежде всего, на политическом имидже РФ, которая сможет иметь политический вес в Восточной Азии и даже выступать в качестве «разрушителя страхов», «честного брокера» между Китаем и кем-то из его соседей по имеющимся спорным вопросам. Это возможно, поскольку, хотя и китайцы, и японцы одинаково не доверяют России, но они считают, что Россия – эта сила, которая не равноценна США, и, разумеется, США не могут решить проблемы между Японией и Китаем и даже играть посредническую роль – ведь Америка очень тесно связана с Японией, и имеет более прохладные отношения с Китаем. А у России неплохие отношения и с Японией, и с Южной Кореей, и с Китаем, и ни с одной из этих стран Россия не имеет военного альянса.

Это действительно открывает возможности для России играть более значительную роль чисто в плане *realpolitics*, дипломатии, международных отношений – роль доверительного арбитра в спорах между

¹ Имеются в виду цвета республиканской и демократической партий, соответственно.

² Прогноз С. Фиша полностью оправдался.

государствами. И я понимаю, что Путин хотел бы этого, но политика Путина делает всё возможное, чтобы этого не произошло. В частности, я удивлён действиями Путина на внешнеполитической арене, которые вряд ли можно назвать правильным для России выбором. Путин очень сильно развивал неформальные отношения с Китаем, стараясь дистанцироваться в отношениях с США и Европой, и продолжает вести такую политику до сих пор. Я считаю, что, только балансируя между Западом (США и Европой) и Востоком (Китаем), Россия будет проводить мудрую внешнюю политику. Но Россия тесно связывает себя с Китаем, что похоже на дружбу против Запада, и это можно увидеть в действиях России на международной арене, например в отношении Сирии. Россия поддерживает режим Асада вместо того, чтобы понимать, что конец этого ужаса неизбежен. Своими действиями Россия показывает европейцам и американцам, что она – безответственный партнёр в международных делах. Ну ладно, если бы ещё у неё были хорошие экономические и политические отношения с Сирией, как например с Ираном. Европа и США понимают, почему Россия поддерживает Иран и почему поддерживала режим С. Хусейна в Ираке, но причём здесь Сирия? Ведь поддержка режима Асада чревата для России репутационными рисками, она не будет выглядеть привлекательно в глазах западных партнёров.

Меня также удивляет антизападная пропаганда в российских СМИ и медиа: муссируются социальные, политические проблемы, вы, русские, видите каждую катастрофу, происходящую в США, как будто нет других хороших новостей – это уже напоминает времена советской власти, брежневского застоя. Если честно, мне смешно, когда мои тесть и теща, которые долго жили в России и недавно иммигрировали в Канаду, год назад звонили и спрашивали: «Ольга, Стив! Ну, как вы там? Вы выжили? Ведь в Калифорнии пожары, землетрясения, Бог знает, что у вас творится. Мы видели в новостях». Что ещё хотелось бы отметить – наши печатные издания (российские и американские СМИ), любят освещать экономические новости, но российские СМИ любят говорить о том, что в России экономический рост выше, чем на Западе. Но, в то же время, российская пресса меньше уделяла внимания приговору Pussy Riot – для большинства людей в России это не было чем-то особым. Телеканалы и СМИ в России контролируются государством – и в этом отношении Россия похожа на Китай. В России хвалят китайских лидеров, и в Китае, кстати, Путин это «самый мудрый белый человек в мире». И мне понятно, почему Путин хочет тёплых отношений с Китаем (и это, безусловно, плюс), но зачем отдаляться от Запада и от остального мира в пользу Китая? Я считаю, что Путин заходит слишком далеко и такую политику нельзя назвать мудрой. Я полагаю, что, очевидно, Путин боится демократии. А от китайцев не слышно ничего о свободных выборах, о гражданском обществе. Поэтому ему, гораздо удобнее поддерживать связи с китайцами, поскольку те тоже не убеждённые демократы. Но всё-таки надо признать, что Запад тоже влиятельная сила в современном мире, и я бы на месте Путина старался бы балансировать, а не стремиться к какому-то одному полюсу.

Конечно, отношения между Россией и США сейчас довольно прохладные, и это объясняется не только недоверием американцев к Путину (это тема для другого разговора), но и тем, что США тоже совершили много ошибок. В общем, проблемы у нас есть.

И.Н. Золотухин: А можно поконкретнее, какие проблемы?

С. Фиш: Одна из главных проблем – Путин боится, что США считают его врагом, и что его режим, каким бы он ни был – всё равно будет считаться враждебным для США. Он обращает внимание на то, что Ромни недавно сказал на дебатах: Россия – не враг номер один, но самый

серьёзный противник на международной арене. Конечно, это такая глупость, и все это понимают – и Обама, и его команда. Но, в то же время, американцы интуитивно чувствуют симпатию к тем странам, где есть свободные выборы, независимые кандидаты, гражданское общество, независимые ветви власти, а в отношении авторитарных режимов также интуитивно ощущают настороженность, думают, что эти режимы не могут быть близкими друзьями США. Но и к этим режимам отношение у Штатов неоднозначное: если они находятся в Африке или на Ближнем Востоке – это другое дело, но если они обладают существенным влиянием, то должны следовать демократическим ценностям.

И Путин чувствует такое отношение. Он раздражён тем, что, по его мнению, американцы вмешиваются во внутреннюю политику России, и боится, что население России будет противодействовать его режиму. Я думаю, что он переоценивает возможности иностранного влияния в свержении авторитарных режимов. Например, украинская оранжевая революция вовсе не является результатом американской поддержки: к революции привели социальные низы – да и вряд ли это была революция – просто прошли повторные выборы. А в 2010 г. победил Янукович, и деятели оранжевой революции были отправлены в отставку.

Возможно, обладая менталитетом сотрудника КГБ, Путин действительно воспринимает весь мир с точки зрения теории заговора. Путин решил, что американцы и европейцы считают его врагом, поскольку он слишком независимый. На самом деле у России нет невидимого врага. Да и популярность Путина на Западе высока. О нём очень неплохо высказываются представители европейской и американской элиты, которые признают его как человека, укрепившего административный аппарат и вертикаль власти в России. Однако как любой (в том числе и китайский) диктаторский режим, режим Путина не слишком заботится о демократизации, заботясь о собственных интересах. И это плохо сказывается на эффективности организации экономической и политической жизни России.

Как я уже отмечал, ваш президент слишком переоценивает угрозы извне, и считает, что даже мелкие местные группы гражданского общества могут создать проблемы режиму, если в их руки, не дай Бог, попадёт американский капитал. Путину просто неудобно иметь дело с партнёрами в лице демократий, не потому что они не уважают или не ценят его, а потому что он их боится. Он – продукт своего прошлого.

И.Н. Золотухин: Стив, а что бы вы порекомендовали для развития сотрудничества между Россией и США.

С. Фиш: Ну, во-первых, у нас широкая сфера взаимного сотрудничества, очень много общих интересов. Например, мы имеем общие и взаимные экономические интересы. У нас много перспектив в экономической сфере. Я думаю, что Россия только выиграет от инвестиций из США, и США получают выгоды от российских инвестиций. В Штатах действует российский ЛУКОЙЛ и российские газовые компании, и энергетическое сотрудничество с Россией, безусловно, снизило бы зависимость США от нефти стран Ближнего Востока и других нестабильных стран мира. И России, и США выгодно нефтегазовое сотрудничество

В политической сфере, у нас на 100% совпадают интересы в борьбе против терроризма и экстремизма. США и РФ обладают самыми мощными разведывательными службами – ЦРУ и ФСБ, которые проводят международные операции. Эти службы самые грамотные, имеющие широкие разведывательные сети по всему миру. Мы должны работать вместе в борьбе против терроризма. Хотя, как я упоминал, из-за недоверия между нашими странами страдает и наше взаимное сотрудничество против терроризма. Я опасюсь, что при Путине, возможно, произойдёт

ухудшение российско-американских отношений. Конечно, если Ромни станет президентом США (Стивен Фиш улыбается), возможность ухудшения двусторонних отношений гораздо выше, чем при Обаме, но, как я уже сказал, я не думаю, что Ромни победит. Я это утверждаю, как откровенный сторонник Обамы. Обама пойдёт на второй срок. Америке не грозит республиканское возрождение.

Я считаю, что ухудшить российско-американские отношения может проблема, по сути лежащая на поверхности, в сфере внешней политики – это сирийская проблема, точнее, поддержка Россией режима Асада. Я не думаю, что западные державы (Франция и Великобритания) и США в особенности собираются быть партнёрами России, если Москва будет продолжать также сильно поддерживать нынешний режим в Сирии. Это не слишком разумно. Ведь это не нравится, не только Западу, но и Турции и многим странам Ближнего Востока и Африки, которые считают, что Асад должен уйти. И России следовало бы учитывать сложившуюся ситуацию.

Однако и со стороны США необходимо учитывать современные тенденции и то, как они рассматриваются с точки зрения безопасности России. Я согласен с тем, американцам следует быть более чувствительными к проблемам безопасности России, ведь у них есть убеждение, что Россия всегда будет в безопасности – у неё есть большой арсенал ядерного оружия, и ей бояться нечего. Но Америка не понимает обеспокоенности России не столько отдалёнными, сколько близкими вызовами безопасности, которые могут возникнуть неожиданно.

Например, США ведёт себя негибко в отношении стран постсоветского пространства: они поддерживают Грузию и не поддерживают Россию. Я считаю, что США должны и в отношениях с Грузией, и в отношениях с остальными странами бывшего СССР, понимать особенности их исторических связей с Россией.

И.Н. Золотухин: То есть, США следует быть более гибкими на постсоветском пространстве?

С. Фиш: Да. И понимать, что членство Украины и Грузии в НАТО – это неприемлемо для России. Также как стараться включить Украину, где большинство населения не хотят вступления в НАТО, и Грузию, хотя там обратная ситуация. И администрация Обамы понимает этот факт гораздо лучше, чем Буш и чем Ромни, хотя даже у этой администрации есть недооценка угроз безопасности для России. США следует досконально изучить проблемы российской внешней политики, что её заботит. Я думаю, что для США настало время дать себе ответ: стоит ли поддерживать слабые государства, зная, что это приведёт к конфликту с Россией. Всё-таки у США на первом месте стоят хорошие отношения с великими державами, такими как Россия, Китай, Индия, и, жертвуя качеством отношений с Россией, ради поддержки нашего маленького союзника – Грузии, американская внешняя политика вряд ли действует продуктивно. В то же время, как я уже отмечал, в ситуации с Сирией Россия выбрала неправильную сторону, и мне кажется, что Россия зря ожидает того, что режим выстоит.

И.Н. Золотухин: Сирия – это камень преткновения, который может разрушить отношения России с Западом?

С. Фиш: Я не считаю, что речь идёт о разрушении отношений: просто поддерживать сирийский режим для России – нерационально. Во-первых, он осуществляет геноцид, во-вторых, режим непопулярен среди сирийского народа, в-третьих, этот режим – умирающий, а если режим умирает, это значит, что через год у него останется мизерный шанс управления страной. Зачем Россия поддерживает связи с этим уродливым режимом, которому осталось совсем немного? Здесь ситуация абсо-

лютно непохожая на Иран: правительству США приходится оценивать по заслугам российско-иранские отношения и российско-иранскую ядерную программу в частности, которая, кстати, развивается эффективно.

Но зачем великим державам поддерживать страны, лидеры которых потеряли доверие собственных граждан; страны, которые, к тому же, не входят в сферу их интересов: как США Грузию, или Россия Сирию. Россия заявляет: «Сирия – это единственная страна в регионе, с которой на протяжении долгих лет имеем хорошие отношения, правительство которой всё ещё держится». С Каддафи у России тоже были хорошие отношения – но этот режим пал; режим Хусейна в Ираке тоже пал. Но почему Россия так упирается в Сирию? Я считаю, что поддержка Сирии – это показатель отсутствия гибкости: зачем стремится сохранить связи, которые были при СССР? Россия может развивать очень хорошие отношения – экономические, политические с новыми, более демократичными режимами в Египте, Ливии, Тунисе, да и Турции. Но эти отношения зависят от восприятия Россией той же Турции как прогрессивной державы региона, отношения с которой перспективны.

Вообще, зачастую Россия и США смотрят на международные проблемы под разным углом. Как в случае с грузино-осетинским конфликтом 2008 г., когда Грузия преподносилась американскими СМИ как маленькая демократия, выступающая против авторитарного государства. Это, конечно, неправильно, но это наше мировосприятие. У России другое восприятие, и мне понятно, почему в России говорят, что США имеют отношение к грузино-осетинскому конфликту, причастны к ситуации в Сирии и стремятся влиять на Иран.

И.Н. Золотухин: Последний вопрос. В Беркли популярно изучение России, в частности здесь есть Институт славянских, восточноевропейских и евразийских исследований, который возглавляет Юрий Слэзкин. Как вы считаете, какие проблемные аспекты изучения России наиболее популярны в Беркли?

С. Фиш: Сложно сказать. Наверное, в первую очередь это проблемы развития российской экономики и экономической политики России, это проблемы возрождения авторитаризма в России, проблемы путинского режима и его отношений с гражданским обществом. Сейчас в Америке превалирует представление о том, что демократия в России терпит поражение, что открытость политики уменьшается. С другой стороны, американских исследователей интересует рост экономики и относительный успех экономической политики в России в данный момент. Возможно, здесь следует провести параллели с Китаем, где при авторитарном режиме также наблюдается экономический рост... У меня есть одна аспирантка, которая пишет диссертацию на тему «Социальная политика в России, Азербайджане и Казахстане», где она сравнивает все эти страны и хочет объяснить, почему путинский режим, несмотря на то, что он недемократичный, ведёт себя в сфере социального обеспечения, как будто это демократия: например, значительный процент нефтяной прибыли идёт на выплаты пенсионерам, на образование. Социальной политике в Казахстане и Азербайджане далеко до Российской ...

И.Н. Золотухин: А насколько интересен в Беркли российский Дальний Восток?

С. Фиш: Нам интересен Дальний Восток России, поскольку мы живём и работаем в Калифорнии, то есть имеем выход к одному океану. Те, кто интересуется Дальним Востоком, специализируются, как правило, или в международных отношениях, или в политэкономии. Не могу сказать, что интерес значительный, но у нас проводятся семинары, читаются лекции (в том числе читают лекции и ваши профессора из ДВФУ). Обычно темы посвящены тихоокеанской стратегии российского прави-

тельства, энергетической политике, проблеме освоения Дальнего Востока и его интеграции со странами АТР. И если Дальний Восток будет развиваться – к нему, безусловно, будет пристальное внимание со стороны американских и западных учёных, а если нет – то внимания будет существенно меньше. Если экономика Приморского края будет расти, как экономика провинции Цзянсу в Китае, то это будет очень интересный феномен, но сейчас этого не происходит, и я думаю, что препятствия для развития Приморья – чисто политические и, прежде всего, это проблемы коррупции, из-за которой иностранные бизнесмены не желают вкладывать деньги в Приморье и в дальневосточный регион. Вообще коррупция – это давняя российская проблема, которая очень препятствует развитию не только Дальнего Востока, но и всей России.

И.Н. Золотухин: Спасибо за интервью, надеюсь, что наши читатели почерпнут из него много интересного.

